

Виталий Бурик

СТАРОЕ ПИСЬМО

Стихотворения и переводы

*Серебряная Нить
Санкт-Петербург
2015*

Подготовка издания – Виталий Бурик, рисунок обложки – Римма Лавочкина

Виталий Бурик

Старое письмо. Стихотворения и переводы / Виталий Николаевич Бурик . – СПб. : Серебряная Нить, 2015. – 102 с.

В книгу вошли циклы стихотворений и отдельные стихи автора за период с 1986 по 2014 год. Ряд вошедших в сборник стихотворений в предыдущие годы публиковался в сборниках «Цитадель»(1991), «Цвет декабря»(2003), в альманахах «Серая лошадь»(Владивосток-Москва), «Биробиджан»(Биробиджан), в журналах «Экумена»(Хабаровск), «День и ночь»(Красноярск), «Дальний Восток»(Хабаровск), на страницах интернета. В сборник также вошли переводы поэмы Т.С. Элиота «Пепельная среда», стихотворений Э.Г. Казакевича, Владислава Бурика.

© В. Н. Бурик, 2015.

© В. Н. Бурик, 2015.

* * *

*Пусть оседают слова, точно пепел на гари.
Высказать всё нам словами, увы, не дано...
Мы очень долго словами в орлянку играли,
фразами вдрыз разбивая мечты, как стекло.*

*А с высоты на нас глядя, бесстрастные птицы
цебетом глупым смеялись и дальше неслись
вдоль перелесков, не зная прозрачной границы
между словами и сердцем, стремящимся ввысь...*

*Боже, как долго за птицами мы наблюдали,
в сеть своих песен ловили, как символ свободы.
И забывали, что где-то в предвечной печали
Стикс всё несёт свои мрачные сонные воды...*

*Глупые птицы, о вас нам не стоит судачить,
наш неразменный пятак – лишь тепло человечье.
В мире ветшающих слов лишь оно что-то значит
как продолженье дыхания, жизни и речи.*

2014

СТАРОЕ ПИСЬМО

1.

Друг мой милый, друг любезный!
Уходя, мы забываем,
как по городу ночному
нас полуночным трамваем
время порознь и вместе
уносило от причала,
от начала, от причины, от Казанского вокзала.
Кто в Москве ни разу не был, друг любезный,
брат мой милый,
тот вокзалов видел мало, и не ведал этой силы
безысходности разлуки
и безвыходности встречи.
Он не знал, как с маху рубит время в щепки лес,
и лечит
обнаженные опушки,
робким дерном опушая,
он не знал, как больно, трудно
ветви новые прорастают
вверх, к неведомым высотам,
от причины, от начала,
по петровским злым болотам
Царско-Сельского вокзала,
заблудившимся трамваем,
что гремит по рельсам сонным,
полночь черным караваем
разломив стеклом вагонным.
А в салоне старомодном
все всегда об этом знают,
и зовут огни вокзалов,
и ... летят огни трамвая!..

2.

Красноватый закат догорать не хотел.
Из разбухших дорог вились взбухшие вены.
Словно тромбы, селения, занимали печальный удел,
Хохот старых ворон разбивался о древние стены.

Здесь - другая земля. Здесь - ничейный забитый сарай
и изорванный, брошенный в печку учебник.
И живу здесь не я. И не жил никогда.
Здесь живут чьи-то тени. И спящий в кургане кочевник.

О святая, еще не закрывшая глаз,
дай мне руку, и мы побежим без оглядки
по седой этой хляби, что вскормила и бросила нас,
за жар-птицей любовью, играющей в вечные прятки.

Не хотел - догорел красноватый закат.
Вот дыхание земли, вот родные потемки...
Осень корчится льдом на дорогах. Вороны кричат.
И чужая зима стелет поле нам первой поземкой.

3.

С закрытыми глазами,
в цветастом колпаке,
по миру ходит клоун
с конфеткою в руке.

Конфеткою поманит
и побежит скорей,
но глаз не открывая,
он упадет в ручей.

Ругнувшись незлобливо,
поднимется тотчас,
и зашагает криво,
не открывая глаз.

4.

Зеркала вводили в смущение,
он смотрел и не мог понять,
как за прозрачным льдом вмещается целый мир -
эта сонная комната,
эти пыльные старые занавеси
и герани на подоконнике.

Зеркала не давали опомниться,

.....
.....

Он от взгляда зеркального спрятался,
притаившись в углу,
и искося

наблюдал за безлюдной комнатой.

А сомнения острыми зубками
грызли мозг -

- может там, в неизвестности,

в глубине зеркальных углов,
тот, Другой, а возможно и несколько,
(кто поручится, сколько их там),
за прозрачной хрупкой поверхностью,
затаившихся, злобных, страшненьких...

И возможно Им видно с другой стороны

Отражение, где умещаются

эти кресла, стол, эта комната

со своими скелетами в тумбочках,

что нашептывают: мы заждались тебя..

5.

Снег мой, снег мой!
Прикрой наготу моих зябких ночей.
Белый снег!
Своим мягким дыханием согрей,
и напомни мне берег в каком-то году,
и напомни мне дерево старое
в зимнем дремучем саду...

Этот сад где-то ждет,
где-то, в синих заоблачных снах,
где снежинки становятся звездами
в теплых руках,
где по призрачным тропкам,
меж вещих деревьев и звезд
мы придем на тот берег,
минуя разрушенный мост.

6.

Музыки крыло, коснувшись уха,
мухой барабанит в перепонку,
острие отточенного звука
той стрелы, что пущена вдогонку
убежавшему от гнева Музы,
рассекает мозг звенящей мукой.

И не в силах пережить разлуки
с вечностью,
ты пьешь сегодня много,
и печален слишком откровенно.
А игла сверкающего звука
ностальгию впрыскивает в вены.

7.

Слова плелись, как паутина, долго,
и заплетались за края вселенной.
Слова взлетали к раскаленным звездам
и осыпались пеплом на дорогу.

Я по дороге шел и подбирал их,
уже холодные, но помнящие пламя,
еще изящные, как кружевные ленты,
вдруг сорванные с кружевного неба.

А небо оставалось. Небо было.
И не было ему нужды ни в лентах,
ни в нас,
ни в наших грубых языках.

А был лишь вздох – то медленные звезды
осыпали вдруг слов пылью на землю,
и, отряхнувшись, ярче засияли,
нечаянно поэтов одарив...

8.

Сирень тяжелым ароматом
дурманит летом города,
и ночью над заснувшим садом
мигает желтая звезда.

А на скамейке серой сада,
в кругу деревьев и теней,
в плаще измятом спит бродяга
и видит Ангела во сне.

1993

МОЛИТВА ПО ГАРСИА ЛОРКЕ

САД

Камень хранит молчанье.
По ком ты плачешь?
Ивы листьями землю целуют.
По ком ты плачешь?

Вода ручья поёт камню песню,
рыбы в корзине жадно глотают воздух,
облако одеялом
кутает кедр вершину...
Ответь мне, по ком ты плачешь?

Пальцы красавицы юной
лепестки роз обрывают,
сбивая с травинок росу,
уж скользит по дорожке.
По ком ты плачешь?

Ветер швыряет вниз
листву с разукрашенных клёнов,
с неба гранитного цвета
в сполохах молний
сокрытое око
смотрит на землю.
.....
Не ответишь, по ком ты плачешь,
Мальчик над Книгой...

КЛЕТКА

Клетка для канареек.
Узаконена и воспета.
Из пепла вспорхнувшая птица,
где твой дом? – может, эта...
- клетка для канареек.

Глянь - на ветках зеленые листья.
Не тронь! – от прикосновенья
ветки прутьями станут
клетки для канареек.

А сегодня был дивный восход,
и ты вдруг подумал,
может это пришел твой день...
В Клетку Для Канареек.

* * *

Вчера была ночь.
Я был тем,
кто мог бы сказать тебе:
“Будь”.

Вчера была ночь.
Ты могла
мне просто сказать:
“Меня нет”.

Но сегодня – день,
и я вижу
что нет
ни тебя, ни меня.

ВСТРЕЧА

Не знаю, кто может быть тобой.

Я ищу тебя.

Не знаю, кем должен быть я.

Я помню дрожащий зеленый лист,

помню блестящих рыб в пруду,

знающих правду о тебе,

и жду, когда придет этот день

- день нашей встречи.

Если ты легкий мотылёк –

- я не хочу прерывать твой полёт.

Уйду незамеченным,

в пердзакатных лучах

оставив на плавающем асфальте

алый цветок,

помнящий имя

несбывшейся встречи...

1986

МИГ РОЖДЕНИЯ

ОЧИЩЕНИЕ

В теле – дрожь, устало тело
Искупленья острый нож
Не спеша вступает в дело.

За окном – туман и дождь.
Палачей своих несмелых
Ты уже так долго ждешь.

Доски старые крыльца
Ждут, тирана ли, героя,
Прогибаясь без конца...

Он внесет, шагая чинно,
Искупленья острый нож,
Судьбоносный, перочинный.

Разлучает с телом дрожь
И крушит гнилое тело
Искупленья острый нож

Песню ярости пропела
В исступлении сталь клинка
Не оставила пробела

И стряхнув с горба века
Ты шагнул, ещё не смело,
В те далекие пределы
Где – лишь Мастера рука.

* * *

Падающая башня
тебе посвящена.
Слова о вечном кайфе,
что сказаны вчера,
измятыми листами
вдруг лягут на порог,
когда пророк пролога
расскажет нам про рок.
...и будут биться волны
о костяные лбы,
когда патруль задержит
судью самой судьбы.

МИГ РОЖДЕНИЯ

Был зной и ветер.
Был век склероза.
Глумилась проза над чудаками.
Был день, когда стирали небо
с доски изрезанными руками.
Был странный праздник
в стране распятий –
кидали камни в того, кто умер.
Был дождь падений.
Он пыль исканий
вбивал в асфальт в кричащих сумерках.
Текли в канавах
ручьи из слизи.
Им был ответом
скрип эшафота.
Но время смялось –
был час сомнений,
был миг, в который родился кто-то

СЧИТАЛКА

Продавец из неоткуда
Водворяет во дворах
Темно-серые молебны
Говорящих до утра.
Ночью – сыро и прохладно,
Утро – серо,
Днем – светло,
Ночью – пламя,
Утром – племя,
Днём – надежда,
Вечер – вор.
Продавец из неоткуда
Продаёт пустяшный сор...

***

Разбилась стеклянная банка.
А казалась вечной...

1989

НАСТОЙЧИВЫЙ ШЕПОТ ВРЕМЕНИ

1.

Рай. Просто рай.

Самый обычный истрепанный рай.

Ссохлись краски, сгорел камуфляж,

но мы - еще помним.

Помним, как начинался вояж

в пепельно-серую детскую Африку,

погоня за сладким на завтрак

и долгими летними радостями...

Помним нехотя, мешая в стакане

грусть со стыдом. Здесь так уютно,

но чей это дом?

Да, здесь действительно рай.

Но - бывший. Чужой.

2.

В омуте неба слышишь
летучего времени шум?
Милая, слышишь
летучего времени шум?

Там тучные тучи
в прогулке девятого круга.
Но я не Данте, милая,
нет, я не Данте...

Снилось ли, мнилось,
стократно рассыпанное:
есть только стих
и Ты, моя милая,
и всегда - невозможность
остаться с тобой
навсегда.
И всегда в разлуке -
бессмертная жажда увидеть
тебя хоть на миг...

Девять кругов -
сдавленный крик,
и только лишь
девять надежд
на девять уздечек для тучных туч.

Цепь для церберов
нашего неба...
Милая, может быть,
нас просто не было.
Никогда. Нигде.

Лишь в омуте туч
летучего времени шум....

3.

В доме - пустота,
выть хочется!
Блѣклая луна в гости к нам просится,
клятвенный бред в воздухе носится,
застрекает ватой в ушах.
Здесь мы или нет - знать очень хочется,
но - застывают слова на губах...
Выбежать из дома, в неизвестность броситься -
но - невозможно – весь спутан в сетях...

4.

Что там, за дверью?
Скажете? ...но нет,
ответ навряд ли нужен,
когда окончен первый слог.
Ответ солгать успеет в миг,
когда возникнет СЛОВО.
И кто, глухим сказавшись,
не заметив, крикнет снова:
«Что там, за дверью?»
И не приведи Господь
открыть.
Тогда, убив ответ,
мы навсегда теряем САД,
который ждал за дверью.

5.

Кто-то сказал, что мы живы.
Кто-то закрыл наши двери,
кто-то умножил потери,
припадая плечом к прикладу...

Кто-то шалит нашим миром,
проливая мёд на сугробы.
Я уношу гиацинты,
рассыпая их по дороге.

Я ухожу надолго,
я ухожу далеко,
чтобы проснуться завтра
и просить прощения у Бога.

1989

ПЕСНЯ НОЧНОГО НЕБА

ТРАВА

Будет шторм...
радужные осколки весны
и песни черных птиц
плоть живой травы
...на коленях,
чтобы не идти
так быстро,
пробуешь её на вкус
губами
думаешь
о разных
вечных и мимолетных
словах,
лишь о словах,
ненужных траве,
ты,
такой чуждый
её корням,
ты,
неуклюжий
пред хрупкой её душой
но
только шторм
видят её глаза,
глаза,
о которых
ты ничего не знал,
глаза
там, среди завитков её волос,

среди гладкой
зеленой шерстки
слабого существа,
помнящего
боль шагов твоих,
и пьющего воду дождей,
подаренных
штормом.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

На крыльях ветра, на снежных хлопьях,
на серых крышах, на дымных трубах,
судьба писала, да не поспела
до первой ночи зимою белой.

Зимою снежной, зимою вьюжной
простужен город оконным кружевом.
Мороз – что путник уснул убогий,
во сне он держит чашу с грогом.

Горячий грог – убийца грусти,
избавит мир от лишней мудрости,
от лишней боли, от личной злобы...
Во сне не так холодны сугробы.

Там странный малый летит над миром,
где праздник ёлок в теплых квартирах.
В день первый года он смотрит в окна
с той стороны, где очень холодно.

ПЕСНЯ НОЧНОГО НЕБА

Всё стихло,
устали моторы и люди,
и звёзды проснулись:
это ночь.
Неторопливо
в застывшем воздухе
кто-то над миром парит.
Странно, я видел
тебя этой ночью,
новую, яркую,
неожиданно близкую,
сотканную из звёзд
и лунного света.
И я поверил в реальность снов,
и я коснулся
твоей руки,
и ты улыбнулась мне.
Вдвоём
мы летели
над сонной Землёй,
рассыпая
звёзды горстями вокруг,
ступая, как по ступеням,
по перистым облакам,
глядя
на стаи птиц,
незнающих сна в пути.
Испив ледяного огня,
хранили тепло и снег,
и таяли в первых лучах
так рано всходящего
Солнца.
...и плакали,
словно близкую смерть
предчувствуя пробужденье.

КИТАЙСКАЯ АКВАРЕЛЬ

Расколотый вечер.
Там - льётся тумана белок,
здесь - игры беспечные
темно-зелёных стрекоз...

Туда, где лежит
апельсиново-красный закат,
уходят все странники,
шаги их тихи и легки.

Печальной дорогой любви
к заветным холодным ручьям,
в край снов и забвенья,
в край призрачной песни ночной.

А я возвращаюсь домой
по тропинке вечерних теней.
Ушедших не слышу я -
ветер их песен стих...

1990

Из сборника “ЦИТАДЕЛЬ” (1991)

ГРУСТНЫЙ ВЕЧЕР

Вечер водкой разбавил... не помогает...
Жизнь всё не та... Та жизнь – другая...
Из серебра соткана и из снега,
Из медленных рек и поющего крыльями неба.

Просил – послушать, молил – поплакать
Со мною вместе в жилетку звёздную,
И в Млечный путь, как в шаль цветастую,
Укутать ночь простоволосую.

Выхожу за порог с надеждой последней,
Протянув стакан – ну, кто пьёт со мной?

Но только лишь ночь – моя собутыльница.
Простуженным горлом делает глоток.
Осень рядом. А жизнь – только снится.
Ночь плачет дождём. Я насквозь промок...

РЫБЫ-ЗВЕЗДЫ

Где-то в сиренево-синих глубинах
как рыбы, звезды медленно плавают.
Ночью видны их блестящие спины,
а днем они в тишине отдыхают

у самого дна, там, где ил мироздания
лучами дневного светила не высвечен.
Где времени нет, и нет ожидания,
где смысла не ищут и нет бессмыслицы.

А ночью видны им открытые окна.
Они, пугливые, мало верят нам,
но ждут, и мы робко снимаем одежды
и голые души вверяем их снам.

ЗЕРКАЛО

Стена. Магический квадрат.
Сверкающий излом.
И утопает грустный взгляд
в безмолвии ночном.

С той стороны стекла пришли
двенадцать палачей,
ночные вестники зари,
двенадцать королей.

- Моя корона тяжела,
попробуй, поноси -
незванный гость бросает мне,
- как звать меня, спроси...

Но вдруг его я узнаю
и в ужасе ночном
стою двенадцатым в строю
безмолвным королем.

ЛЕТО БРЕДБЕРИ

Ночами бессонными, чёрными, чёрными,
Холодными далями деревья бредили...
Деревья росли за заборами дачными,
О вольных лесах деревья не ведали.

А утром, проснувшись и слёзы не высушив,
Птиц ими поили, и пили птицы,
И птицы пели утрами росными
О Лесном Короле в тополиной столице...

И в полдень июльский, средь лета жаркого
Всё падает снег, а земля всё не стынет...
Лишь в пурге тополиной шепчет птицам листва:
«Наш Лесной Король стеллит лету перину...»

ПЛАСТИКОВЫЙ ВЕК

ПУТНИК ХОЛОДНОЙ ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Ночь и луна.
В ночи столь странны звуки,
безмолвие пленит и согревает.
Пристойна тишина.
Лишь гулким эхом
ее упругость ветры разрывают
на тысячи шагов.
Дробится время,
и где-то в полнолунии все завязки.
Развязки нет.
Лишь вечное сплетение
теней и бликов,
вьюги, сна и сказки.
И колокольчик голоса не властен
над этим неизученным пространством.
Где стихнет он – там ветры обновляют
наш старый мир
с тревожным постоянством.

НОЧНЫЕ СТРОКИ

И сонный шорох ночной
расплывается в тихой комнате,
и мотылек, окрыленный луной,
летит на огонь, дрожащий в темноте.

И снова белый лист
не дает мне уйти безмолвно
в сна черный-пречерный лес,
в шепот ветвей немногословный.

Но бегства не скрыть стыда
словами, чернилами, книжицей
про радостные берега,
что ждут нас в немой неподвижности.

Не твой и не мой этот стих,
на лист пролитый небрежностью
тайных моих интриг,
чьей-то невидимой нежности.

НАПОМИНАНИЕ

В углу за шторкою, в тени сиреновой,
перчатка женская на стуле спит.
Дыханьем призрачным, неслышной тенью ли,
узор таинственный пространством свит.

И верю свято я, что где-то комнатах
хозяйка чуткая, в себе храня
и пламя жаркое, и ветер трепетный,
сквозь все вселенные глядит в меня.

И плакать хочется от избыточности...
Средь сна разбуженный, стремлюсь назад,
к перчатке тоненькой, к изящной тайне,
мне б только почувствовать тот дальний взгляд.

REX (посвящение Чюрлёнису)

Кто знал, тот пел.
Кто мог не петь -
Искал себя в вине.
Наш век стонал,
Наш век летел
Навстречу белизне,
Что ослепление принесет
Освобожденьем став,
И кто-то древний допоеет
Вчера не доиграв.
За здоровье выпьет
Сотни чаш,
По облакам пройдет,
И звездный свет
С небес рукой
В котомку соберет.

Погаснет солнце.
Лекарь наш
Нас всех домой вернет.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СВЕТ

Лампа в тысячу солнц освещает мой призрачный день.
Я ни где не найду моей брошенной милой судьбы.
В поле холодно. В доме – нет нас, нет встреч.
будет! будет! Только тень судьбы – на дыбы.

Надо бы скинуть хмурую дрожь,
целовать губы, не помня себя!
будет! будет! Ах, врешь, ты все врешь!
Было – не для тебя, будет – не для тебя.

Красивей красила сила огня души
солнце слепое. Не туши – я не умер еще,
я знаю – люблю, но не знаю какое
пламя называют любовью они...

будет! будет! навсегда, навсегда, навсегда –
они – не я, ты - не они, ты – или я, или ты.

Как искать, если нет за углом фонаря,
если на пустырях сторожа притаились,
если все веселились, когда иззябшим почтальоном в окно
ветер плакал вам все мои слова сокровенные...

Камнем в лампу кинь! Схлынь, схлынь, судьбы смута!
Смоет муть, будет суть видна. Может быть будет.

будет! будет! Где наше – твое и мое –
мы давно уже там, оглянуться бы нам...
Ты мне скажешь: - Смотри!
Я увижу и крикну в ответ: - Я люблю!
будь со мной, непечальный единственный свет!

ПЛАСТИКОВЫЙ ВЕК

В том бьется, как змея
Шипящий скользкий век,
Кто внемлет немоте
Сверкающей пластмассы.
Над твердою землей
Текучий лунный свет
В падении обретает
Свойство массы
Безжалостных машин
Чьи фары в темноте,
Как тысячи
Фонариков Китая...
Мой пластиковый век
В вечерней нагоде
В твоих объятиях
Страхом замирает...

1994

РЕКАРУСЕЛЬ

ПТИЦА

Почему так холодно?
Город за околицей
льдом сухим щетинится,
ветром в окна бьет...

А она - по городу,
в ночь, навстречу холоду,
сердце - птахе жаркую
любимому несет.

А придет - согреется,
будет вновь надеяться,
словно в хрупкой лодочке
по шальной реке...

Лишь душа хмелела бы,
только б птаха пела бы,
да не околела бы
в ледяной руке...

ВЕРНЕМСЯ

Вопрос без ответа.
Кто-то где-то...
Кто ты? Где ты?
Не слышно. Нету.

По свежему снегу,
мало-помалу,
в ботинках старых...
Тебе не до бега.

А лес – красивый...
Зима. Сугробы.
На все – без злобы,
с улыбкой стылой

остановившись,
смотри, чаруйся.
Сорок слетевшихся
не чурайся.

Ледочек тонок.
Не надо! Топко.
Тебе бы лодку...
Большой ребенок.

Брось, не печалься,
я тут, в сторонке.
Назад по тропке
пора возвращаться.

И без вопросов
(кто мы? где мы?)
рады, но немые,
вернемся просто...

* * *

Ох, как колышутся сочные травы!
Ой, как стучит безоглядное сердце!
Ах, как летается нынче - как в детстве.
Ух, не найти на любовь управы.

Ох, у тебя какие глазища!
Ах, огоньки сверкают, играют.
Ой, не поверю, так не бывает!
Ух, я хитрющий бесстыдный котища!

Ох, этот пламень нас съест без остатка!
Ой, у тебя ведь где-то семья.
Ух, если б раньше тебя встретил я...
Ах, на плече ты уснула сладко...

МЕЖА ВРЕМЕН

Не в чем нас упрекнуть. Но заслуг – не назвать.
Будто не было нас на бескровной и голой земле.
Голос нем. Волос – цвета соломы, ни черен, ни бел.
Позади – ни шиша, впереди – ни намек на достойные судьбы.

Мы молча спускались в канавы, зарывая друг друга.
Не в битве, а так, ненароком, уходили друзья,
проживая недолгие сроки в стылом царстве безвременья.
Быстро о них забывали,
забываясь в надсадном молчании жующих машин.

Дом. Работа. Дорога домой. Магазин.
И опять – вроде жив. И вины нашей нет.
Здесь иного порядка причины.
Не Печорины где-то, когда-то – мы – здесь.

Нет нам места и нет нам судьбы, кроме этой.
Ты не знал? Знал, конечно же, знал. Так зачем притворяться,
что дорогу нашел, когда в общем строю
месишь грязь сапогами, да в Лету всё, в Лету...

РАЗГОВОР

На берег той реки придем с тобой однажды.
Озябшей песней ветер не соврёт.
Нам нужен костерок, ветла и хрупкий лед
по краю, над водой, и призрачный полет

клинового листа, сгоревшего от жажды.
Корабликом лист к морю уплывет,
а мы останемся. И разговор негромкий
вольется в пережат осенних вод.

Тут, стоя на камнях, у самой кромки
октябрьского нестойкого ледка,
мы будем говорить про ездока
по времени (его зовут Судьбой).

И лес шатры вояки-старика,
истрепанные в схватке роковой,
над этой мимолетностью сомкнет,
на время задержав победу ветра...

РЕКАРУСЕЛЬ

В этот вечер все было, как прежде...

Написав эту фразу, задумался.

В этот вечер...

Все было...

Как прежде...

Прежде где?

Было все? Или не было?

В этот вечер... а где продолжение?

Мы плывем, и не видно конца реке,

словно кто-то позвал,

да не слышно - где.

А вода - всегда новая,

как и вчера...

В этот вечер не видно конца реке.

1998

СЕТЬ ПАМЯТИ

СНИТЕСЬ ЛЮДЯМ

Девочка-стрекоза,
крылышки, словно шелк.
Слепит рассвет глаза,
мокрый дрожит листок.
Спрыгнет росинка вниз,
только листочек тронь,
крылышки опалит
полуденный солнца огонь.
Девочка - стрекоза,
дочь колдовской воды,
нашим не верь слезам,
наши забудь следы.

1990

А ТЫ ПОМНИШЬ?

А ты помнишь, как мы говорили друг другу,
что всегда будем вместе,
и солнце друг другу дарили,
на нитях зари приподнятое осторожно,
только для нас,
трепетно и тревожно провожавших ночь.

Я помню, видел тебя, любимая,
глаз не открывая.
Ты была взрослей и серьёзней,
и не верилось мне,
что взаправду любишь
меня, шалолая...

Но где правды блик там,
где грани размыты меж словами и сердцем...

.....

1994

ПАРИЖ-ТЕХАС

Слёзы. Волосы светлые, длинные.
Я не забыл.
Ты говорила: “Что бы ни случилось...”
Я говорил: “Что бы ни случилось...”
Мы говорили: “Мы будем вместе”.
Далеко ли, близко ли
друг от друга,
но всё равно – “вместе, мы, ты и я”.
Я не забыл.
А сегодня с экрана
фильм “Париж-Техас”
смотрел на меня
твоими глазами.
Где ты? Где ты?
Там, наверное, потерялся и я,
я, обещавший тебе:
“Мы будем вместе, что бы ни случилось...”
Где мы? Где мы?
И кто-то пишет о нас,
и кто-то глядит в экран
и грустит, узнав ненароком
твой взгляд.
Кто он? Кто он?

1994

К СОЛНЦУ

Вороное крыло твоего самолета
рассекает туман над громадами скал.
Как тебе повезло, что отваги пилота
хватило на этот небесный канкан.

Эти липкие тучи, эта мокрая вата
разрываются в клочья острой гранью крыла.
Вот и солнце! Сегодня твой домик крылатый
улетит в те просторы, где та в детстве была.

Улыбнись на прощанье и новую встречу
в день попутного ветра на крыше назначь.
На улыбку своим заклинанием отвечу:
Забери меня к Солнцу, чей огонь так горяч.

1995

СЛОВО

Сегодня осталось
немного дров,
а холод стучится в окно.
Мой маленький ангел
всё понял без слов,
солнцу подставив крыло.
Взмахнул
и сноп искр
бросил в очаг,
огонь разгорелся в камине.
И пламя мне пело
на всех языках
об ангелах
в снежной пустыне.

1995

ТАЛАНТ

Сегодня в лесу стоит ходить на цыпочках.
Сегодня спугнуть нельзя перелетных птичек,
что к нам прилетели из стран, до которых нам некогда
вслепую брести, плыть по морю, по полю ехать ли...

Они нам споют, а мы будим плакать по поводу,
что крылышек нам всем не досталось поровну.

1996

ПЕСНЯ РЕНЕГТА

Зачем мне твоя революция,
асфиксией зрачка
грозит мне безвременье.
Зачем мне твоя революция,
дышит земля под ногой
всё потней и заметнее.
Зачем мне твоя революция?
Отказ от тепла в угоду
знамёнам, знамениям...
Зачем мне твоя революция,
никто и не вспомнит,
а вспомнит - придуманным именем.
Зачем мне твоя революция?
Краюха не станет сытней
а сто грамм - двестиграммами.
Зачем мне твоя революция?
Потомки ведь так и останутся
быдлом и хамами...
Зачем мне твоя революция?
Ночь догорает кострами
за речкой, как в песенке,
Зачем?
Мы успеем ещё в новый мир
по невидимой лесенке...

1998

ЗОЛУШКА

Твоя маленькая ладонь
этой ночью мне вручена.
И идём мы по узенькой лестнице
прямо к двери. За дверью – бал.

А в камине танцует огонь
на все времена, на все времена.
Мы с тобой услышали песенку,
ту, что только огонь знал.

От иголочек снежных сумерки
зябко ёжятся, засыпая.
Ты, ступая на пол зеркальный,
только туфельку не потеряй.

Грянут трубы, гонцы юной музыки,
и, дороги не разбирая,
кавалькадой за ними отчаянной
скрипки пустятся в звонкий край.

Оживет зари нежным пурпуром
молодое вино в бокалах,
рядом – звоном хрустальным рассыпятся
чьи-то юные голоса...

Мы расстанемся только утром
на ступенях, от снега старых,
бело-набело снежно расстанемся
в январе на ступенях дворца...

То ли вспомнилось это кому-то,
толь приснилась странная вязь,
не беда, что настало утро,
только б туфелька снова нашлась...

СТРАННИК

Вот так. Просто встал и пошёл.
Ломая упругость дня.
Прочь от вчерашней любви,
навстречу тени прощания.

И всё равно кто кого.
И всё равно кто был прав.
Забыть, забыть эту пьесу,
однажды не доиграв.

А там – всё катись колесом,
и лесом, и полем, и сном.
За спиной голоса – горбат...
То в котомке – судьбы излом.

Всегда оставлять за спиной
сожженные города –
это ли не правда,
это ли не беда...

1999

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

ВЕСНА ДВУХТЫСЯЧНОГО

Затяжная весна.
Ни листочка тебе, ни цветочка.
Преднамеренность наших сезонов
похожа на съёмки кино.

За окном – декорации серые,
дождиком ставятся точки,
многоточия в титрах:
сегодня... недавно... давно...

Расплескалось по небу
изобилие сонного пара.
Отражения в лужах...
Свет мой, зеркальце, ну же! скажи!

Ведь не скажет... Тень прошлого
медленным облаком ляжет
на ещё не окрепшие ветки,
разбудив задремавшую жизнь.

Ладно, будет тебе
урожай и хлеб с маслом на завтрак,
ладно, завтра проснувшись,
будешь солнышку рад, как щенок.

Ладно, снова весна.
Пусть ни кто нам сегодня не скажет,
что у листьев пробившихся
свой незначительный срок.

УЛИСС

Улисс в воде увидел отражение.
И не узнал себя. “Вода уже не та!” -
- подумал раздосадованный странник.

“Как в океане раствориться странно,
когда ломает кости суета,
о берег разбивая наши души...”

И, присягая на служенье суше,
Улисс, омыв лицо,
ушёл в ближайший лес,

в сосновой вдруг исчез зелёной дымке.
Лишь тень и отражение небес
тонули в вод закатных фотоснимке...

ГРЕЦИЯ

Строен лад,
сада пейзаж тих.
Ветер будет завтра.
На моря гладь
парус роняет стих.
Греция.
С вечера и до утра
среди пения
невидимок-цикад
шорох шагов
оставных богов...
Не вчера ли мечтали
вернуться назад?
Сегодня – забыто.
Стряхнув с утра
с плеч лепестки
облеченных снов,
руки к солнцу
тяну я. Греция.

ПРОФИЛЬ ЭСКАЛАТОРА

эскалатор
большой шаг
не твой
за тебя
прогресс
под себя
всё умял
процесс
пошёл
гудит
тихо-тихо
о эскалатор!
начало ли
лиха
конец ли
стиха
машина
машина
будто бы
будет
всегда

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

*Скоро кончится век,
как короток век... (Б.Гребенчиков)*

и русские ногою твердой встали
и поле куликово пролегло
пунктиром в историческом докладе

и плотник и моряк и царь
глядел незримо в окна ленинграда
снаряды на авроре подавал

в то время на неведомых дорожках,
где птица-тройка вряд ли пролетит
писатели с поэтами бродили

и вспоминали лица тех людей
на чьих костях железная дорога
в москву из петербурга было людно

собрание по поводу веков
открыл владимир он же просто ленин
затем ребята встали в хоровод

водили летку-еньку с краковяком
затем давали сладкое царица
в торте огромном спрятала шута

калачиком потертым он свернулся
не зная что миллениум счастливый
пришёл во сне ему

ну вот повеселились
гляжу на карту куликовской битвы
и думаю грядущее пришло

2000

СТИХИ С МНОГОТОЧИЯМИ

СТИХИ НА БУДУЩУЮ ОСЕНЬ

В это время сигареты терпкий вкус,
дым и небо - всё летуче. Я – анфас.
Я опять скажу, что завтра не вернусь,
но вернусь. Уже в который, в пятый раз?

Кораблям отдать швартовы без меня,
и по хмурому солёному пути
уходить, в компасах с картами храня
мир, который за морями не найти.

Тенью чайки на песчаных берегах
осень пишет свой постскрипtum, и гудок
теплохода (так всегда бывает в снах)
эпилогом – точно сорванный листок.

Я остался. Пароход уплыл, увы.
Только музыка эклектики в стихах,
да застиранная нежность синевы
так высоко - как всегда бывает в снах.

СЮЖЕТ

...и ещё пара-тройка историй.
Кто-то в чёрном прошёл,
то ли в чёрном костюме прошёл,
то ли ворон над дверью табличку прочёл,
хлопнув дверью, в прихожую важно вошёл
рассказать пару-тройку историй...

В тех историях юмора нет ни на грош,
заблудился там кто-то и подали грош,
а гроша ему мало.

О, как мало ему желтизны пятака,
о, как много желает присвоить рука,
что в тиши, в пятипалой глуши кулака
все желанья сжимала.

Птица вещая застит крылом, за окном
солнце падает вниз, ворон застит крылом
красно-жёлтые зыби заката.

И сюжет продолжает плестись вдалеке
словно линии на злополучной руке,
что сжимала монету когда-то.

Дальше – град-камнепад или что-то ещё,
или просто судьбы непомерный мешок,
испытанья, скандальная слава...

И в истории этой права как всегда
путеводная злая святая звезда
и любовь как отравя.

...ворон каркнул - как мало светила звезда
когда грошик сквозь пальцы летел в никуда,
когда просто судьба города и года
а любовь как отравя!

Ворон вспомнил своё никогда-никогда!
И сюжет отравила любовь навсегда,
пару-тройку похожих пришили сюда,
где любовь как отравя...

СТИХИ С МНОГОТОЧИЯМИ

Если скажешь мне: пиши о себе –
что ответить? ...или то, что тайком
согревал в руках, пускал бежать бегом
стайки строк ...или что было потом,
в этих каменно-стеклянных лесах,
с милым сердцем где мой рай в шалаше?
в этих каменно-стеклянных сердцах
нить вольфрама догорает уже...
...уже двери, где нас всё-таки ждут
шире шаг но вправо- вле... не промахнись!
...что писать – и назовём это жизнь,
и ещё – будто зачем-то мы тут...
...или то, что многоточий не счесть,
как сюжетов, выпадавших снежком
на простое полотно чьей судьбы,
чтобы знать о чём рассказывать потом...

...или кто-то заглянул на огонёк,
слава Богу ни Джордано и ни Гус,
нить вольфрама разгорелась на часок,
вы читали – вы смотрели – и чаёк...
...за окном темно за стих за стол сажусь...
...и опять совсем не знаю, что сказать...
о себе бы надо. Может, лучше ты?
как не знаешь? ну тебе ли не знать
неужели позабыла черты...
...или ветер что в моей голове
выдул всё из твоей головы
и - увы увы увы увы увы
ты попросишь написать о себе...
...что ответить? в безоглядной степи
огоньки всегда заметит ямщик,
не замёрзнет в глуховатой степи,
огоньки когда заметит ямщик...

НА БУДУЩЕЕ

Остановись, не убегай
навстречу времени приливу,
шагов не делай торопливых,
в стихии этой не играй
с надеждой, словно лёгкой лодкой,
поклажи планов ей не снести.
Остановись, останься здесь,
пространство медленной походкой
смирняя времени в разрез
и срез судьбы чертя шагами.
Признай чудесными дарами
возможность кинуть беглый взгляд
на проходящих мимо, рядом,
возможность удержаться взглядом
за дни, летящие назад,
в цветные сны фотоальбомов.
Ты не беги - благодари за сны,
за беглость разговоров,
за каждый первый луч зари...

БАЛЛАДА О ЛАСТОЧКАХ

*Кто знает, где мы наяву,
когда и окна небу вровень,
и, обманувшись высотой крови,
под кожей ласточки пробили синеву...
Валерий Дёмин*

Кто знает, с кем мы наяву
бредём по сонным переулкам,
среди дворов-колодцев гулких
в худую осень-синеву...

Мой пьяный дворник, где-то там
твои зачитанные книжки
пылятся в детской по шкафам,
а дамы всё плетут интрижки

вокруг смешной твоей души,
надменной, искренне нелепой,
нелепо искренней в тиши
мещанского глухого склепа.

И выставлен братвою счёт,
а ты про гамбургский бормочешь...
«Камо грядеши» нынче ночью?
Страниц уже наперечёт

в твоей исписанной тетради,
ты рвёшь, бросаешь их в листву,
несказанного слова ради,
про ласточек, про синеву...

И этой ночью город пьяный
тебя бессовестно обманет,
очистит вновь твои карманы,
не тем окном опять поманит...

Ждут не тебя... Давно и сильно
кого-то ждут, а ты – прохожий,
так сильно на него похожий,
что может быть любвеобильно

неспящий дом тебя дождётся
не зря. Вино хозяйка ставит,
хозяин скупно улыбнётся...
...вот только ласточек не станет

в твоей исписанной тетради
ни кто считать. Им дела нет
до тех небес. И Бога ради.
И Бога ради, этот свет

пролить, хоть пьяною слезою,
сквозь копоть суеты и бед,
по душам стегануть лозою
юродства. В пошлый винегрет

упасть лицом, что жирной точкой.
Пусть стынет до утра ответ.
И больше не писать ни строчки
про ласточек, которых нет...

ВОДА

Повторяю тебя наизусть,
заполняю от края до края
свои кладовые молчания
тобой, как прозрачной
холодной пьянящей водой.
Повторяю, как заклинание
в неизбывном желании рая,
все твои имена и надежды,
все что так мимолётно тобой
было сказано – пролито
быстрой текучей водой.
Задержать мудрено на стремнине
вместе с вечно текущей водой
голос, ставший однажды тобой
для меня в иссушенной пустыне,
но во мне растворившись, отныне
он живет полноводной рекой.

2002

МИНИАТЮРЫ

УЗОРЫ

Хрусталь завитка
Ледяного узора
Напомнит о летних
Душистых цветах.
В растущих на окнах
Холодных лесах
Так много загадок
Для нашего взора...

* * *

Сон у Золотых Врат
Звон колоколов
Слышен едва - едва
Часовые небес
в этот час крепко спят
Сквозь брошенный щит
прорастает трава
И чудится часовым
бурлящий людской поток,
текущий сквозь времени ток
в русло Золотых Врат.

* * *

Когда я вру, я знаю
или нет
ответ, который
тщательно скрываю?
Иль может потому
скрываю я ответ,
что в этот миг
о нем я забываю?

* * *

Рождено тишиной
слово одно - тайна
Оброненное случайно,
Оно уже фатально.
Его полумрак манящ
И глазу приятен.
Алхимик в душе,
Ты ждешь
проявления
темных пятен...

* * *

Ночью, как в первый раз,
Мир юн, красив и нов.
Тонет полуночный джаз
В эхе бетонных снов.

Ночи чернильной строка
В комнатах не живет.
Книга её велика,
Раскрыта у тех ворот,

Где нас никогда не ждут,
Где тайно, по-воровски
Мы ищем спасенья от пут
Вечерней паучьей тоски.

...Мы снова, как в первый раз,
С надеждой смотрим туда,
Где голос стихий, как джаз,
Где мы не умрем никогда.

* * *

Я мыслю город.
Здесь, в ночной тиши,
он полон голосом
гуляк и автогулом.

Я слышу город
в полусне души
- она устала
от ночных прогулок.

Мне мнится за окном
не тот пейзаж,
и век мне чудится
другой, не этот...

Вот шпагу подает
проворный паж,
и мы летим сквозь ночь
в кабриолетах.

* * *

Солнца жизнь дарит свет
В море - золота блик
Рыбы вглубь унесут
Мокрый солнечный лик
Шевельнется тогда
Сонной тины покой -
Мячик солнца вода
Вверх подбросит рукой.

* * *

Трепет крыльев свечи -
- слов несказанных мир,
словно там, за огнем,
больше света. Молчи,

не спугни сгоряча
мертвой фразой эфир,
что надежно хранит
символ веры - свеча.

* * *

Скакать сквозь ночь -
вот всадника удел.
День завтрашний
за ним не поспевает,
А в стойле неба -
- звезды рассыпают
наградой для коней
- летящих стрел.

* * *

Это сны на ветру,
Это осень осин,
Это кто-то летит
к ночному костру
в лесу, когда спит
его господин.
Это дух
прелых листьев.
Он растает к утру.

1995

ПРИРОДА ВОСТОКА

1.
ветер на озере
верёвочка от капюшона
хлещет по озябшей щеке

2.
когда умирает сом
он вытягивается в столбик
мокрая скользкая сабля

3.
змея уползает
схватим за хвост
не укусила

4.
тропка в развалку
прошёл медведь
как человек без обуви

5.
который год тает в траве
колея вездехода
заросла словно память

6.
в лодке среди камышей
засмотрелся на пёрышко
тридцать три лебедя

7.
чахлых осин хоровод
ворожит омелой
в просвете ветвей – луна

БЕЛАЯ ДВЕРЬ

МОРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Росы хрустальная слеза
с листа упала в синь залива.
Оленьи грустные глаза,
две немигающие сливы,
глядели вдаль,
и кромка вод
сливалась с берегом негромко.
И был прозрачен небосвод,
и звёзды скатывались с кромки
тугих небес в другую синь,
и, не мигая, засыпали.
И юркий стриж,
и сонный линь
молчанью двух стихий внимали.
Монеткой кто-то в тишину
случайно выронил лишь фразу.
По берегу к морскому дну
она скатилась как-то сразу.
Лишь отблеск стукнулся в окно,
и рябью моря зыбь зевнула.
Слеза упала - вниз, на дно...
Олень ушёл. И всё уснуло.

БЕЛАЯ ДВЕРЬ

Кто тут первый придумал, что есть эта дверь?
Словно сладил ловушку надолго для нас...
Там, у стен в темноте, где мы ходим теперь
каждый встречный о ней начинает рассказ...

Дверца белого цвета... а может, пролом
что рыжеет щебёнкой в кирпичной стене...
Но нашедший её не расскажет потом
о стране за стеною тебе или мне...

Говорят, что никто не вернулся назад,
только верят, что счастье за дверью живёт...
Заступив за порог, бросишь в прошлое взгляд,
и ребёнок за ручку тебя уведёт

в ослепительный край, где весна до краёв
мир наполнит цветами, и радостью – грудь,
где средь самых чудесных узоров и снов
возрождённому сердцу откроется путь.

* * *

Так стоит ли сизнова жизнь начинать?
До мук напрягать поседевший висок,
до дрожи в руке карандашик сжимать,
до крика выписывать новый пролог?

И призраку счастья вновь кинуть терзать
остывшую душу, уставшую плоть,
и снова одну среди чуждых искать,
чтоб вдруг, породнившись, невзгоды молоть.

И печь каравай, что сполна утолит
злой голод бесчувствия, жажду тепла,
залечит овраги потерь и обид,
чтоб радость по мостику в сердце пришла.

* * *

Топка, плавка, переплавка,
перековка под лекало...
То податливый, то жёсткий
человечий материал.
Только "Господи, помилуй"
со вселенского вокзала
долетает в ожиданья
нескончаемого зал...

ХУДОЖНИКИ

Два чудака Винсент и Поль
тревожат наши сны.
Два чудака Винсент и Поль
так в краски влюблены,
что нет им дела до судеб
что в профиль или в фас...
И счастьем разноцветных клякс
они плескают в нас.

* * *

Поёт тёплый ветер
в каминной трубе...
Чудак, что ты слышишь?
Что мнится тебе?

Там кто-то живёт...
Там кто-то зовёт...
Чудак, он тебя
с собой не возьмёт.

Он лишь посмеётся –
как ветер в трубе,
тепло от камина
оставив себе...

* * *

Бессоннице глядеть в тревожные глаза,
шептать: приди, приди, всему возможно сбыться...
И сердце муштровать – любви просить нельзя!
Она, как метеор, неожиданно загорится...

И так же не поймать, в руке не удержать,
она совсем ничья и вовсе не ручная.
Но пустишься за ней сквозь ночь бежать, бежать –
на краешке зари как сон звезды растает...

* * *

Мы уже не станем верить в сказки.
Жаль, не по карману нам дворцы.
И без нашей выросли подсказки
стройные девицы и юнцы...

Пиршество романтикой не манит,
разве что разморишь червяка.
В колесе насущного исканий
белкой надрывается тоска...

А за окнами – земная небыль
листьями раскрашивает жизнь
ранней осени. Земля и небо
за стеклом куда-то сорвались...

Ветер машет жёлтыми крылами
посылает призрачный привет...
Только мы одни остались с нами,
как вчера рождённые на свет.

ОТРАЖЕНИЕ (отрывок)

... И так, в предстоянии
перед незримым лицом -
или Богом, или другом,
или матерью, или отцом,
только не пред Любовью,
поскольку она не снаружи – она внутри...
Будучи в таком положении
между недоступным небом
и ненужной землёй,
Думая о своём положении,
о себе, как ненужном небу
и пока недоступном земле –
часто взываю
к Богу ли, другу ли, матери или отцу,
но часто молю в своём сердце
о Любви лишь, поскольку
не снаружи она но – внутри...

1.
Близко, ближе... На сколько близко
чувствовать будто в одной коже?
Безлико ли великое чувство,
наполняющее, заполняющее
пустоты в пазухах кожи
меж нами? Безднами не захлебнётся?
Проснётся, проступит ликом ли, графаретно
на мятой футболке... сними...
С нами во снах и в яви пусть явится
чудо касания,
краткого мига касания
дыханьем – дыханья.
...я вижу хрупкие плечи, и знаю
что тёплые плечи твои...

2.

Зарыться в подушку, когда не хватает тепла...
И снова губами искать твои нежные руки.
Ушла... улетела... сквозь пальцы водой утекла.
Дыхание ловит холодные волны разлуки.
Амфибией в стылой воде приучаюсь дышать.
И змеем премудрым себе говорю «Всё проходит...».

Но пальцы вцепились в подушку, их трудно разжать,
и чувств провода в никуда, оборвавшись, уводят...

3.

Одиночество – кит, проглотивший Иону.
В темноте среди скользких утробных теснот
биться тенью, кричать, звать на помощь – напрасно,
не придут, не услышат, здесь ни кто не живёт.

КЛЕТИ БЕДНЯКОВ

1.

Мой ангел, в детстве вы читали
Про царственный восторг балов...
Вы бесприданницей попали
Не в сети – в клетки бедняков.

В стране труда, стране Советов
Ни кто вам не сулил дворцов.
За счастье – сыты и одеты!
Апартаменты бедняков –

Стеклобетонные квадраты...
А бал – кабак. Среди столов
В час пьяной пляски так богаты,
Не чуя меры кошельков,

Безродные аристократы,
Щеглы из клеток бедняков!

2.

Кто честной бедности стыдится,
Того презрит любой пиит...
Но честной сказке с нами сбыться
Быль общежитья не велит.

* * *

*...в связи с извечной спорностью стихов.
С дружеской любовью Саше Белых*

Не оспорят лишь того оппоненты,
Что два уха у тебя, две ноги, два глаза...
Речь-волна швырнёт тебя на берег,
берег всем песком пружинит снизу,
небо низкое спадает одеялом...
Поднимаясь, идёшь по японской кромке,
говоришь кому-то на русском...
О, слова мои!
Вы настолько гневны,
насколько стихи твои не нужны им,
Разве что опять о чём-то спорить...
На читателя потенциального
я в гневе – кинетическим
станет он навряд ли.
А в словах, к поэту обращенных,
часто нету ни любви, ни смысла...
...Меж пальцев ног забытые песчинки
вновь о берегах тебе напомнят,
других и родных,
где следы волна размывает...

ПАРИЖ

«Увидеть Париж и умереть» -
не помню, кто сказал это первый.
Может, действительно,
купить недорогой тур в Европу
и не возвращаться из Парижа?
...И не обязательно прыгать
с Эйфелевой башни,
можно просто остаться там,
как новый человек на новой земле.
Однако, данный жест
уже много лет как потерял
свою значимость и красоту –
- сегодня Парижем ни кого не удивишь,
Много кто может, подкопив денег
просто съездить туда в отпуск...
...И рассказывать потом
не успевшим побывать там
немногочисленным друзьям
о чудо-городе?
Скорее всего, они всё уже
о Париже слышали,
а пытаться вызвать зависть
фактом поездки – нехорошо...
Идея доступности Парижа
настолько уничтожает смысл
туда ехать, что даже,
имей я такую возможность,
скорее всего, не поеду...
Это как мы на долгие годы,
иногда – навсегда, откладываем
поход в театр, который
находится за углом
в двух кварталах от дома...
...Видимо, поэтому
Париж и на этот раз подождёт.

* * *

Часто поэт - человек
без определённой профессии,
без определённого места
жительства,
без определённой женщины...
Когда он пытается
определиться
- пишет стихотворение...

2006 - 2013

ВОСПОМИНАНИЯ О СНЕ

*(по мотивам стихотворения К. Дмитриенко
«Тщетное воспоминание о сне с тремя неизвестными,
но Моррисон ещё не умер в Париже»)*

Я забуду проснувшись ту магию снов,
что колышет дымы
и роняет холодный хрусталь в твои тёплые руки.

Не веди меня в свой обескровленный дом.
Там – лишь небо за окнами,
нет печальней и выше той скуки.

Мне тоскливо. Все пусто
и выпали звёзды сквозь ночь.
Рвались нервы и кто-то на паперти плакал...

Ткань тоски разрывая, рвусь от этих снов прочь,
но небес в этих песнях так мало,
а в комнатах – много зеркал.

Тесно горлу. Но сделав натужный глоток
слов не вспомнить,
и душно душе под истрепанной кожей.

Пальцы заняты струнами.
Свистом кнута – гудок
рассекает утро, вспугнув безмятежных прохожих.

И магистр бы вспомнил все волшебные сны,
но сейчас – только утро.
Утро. Перрон. Век всё тот же...

НА БЕРЕГАХ АМУРА (отрывок из поэмы)

1.

Рассыпанная склянка облаков
опять умыла серые асфальты.
Река безмолвствует.
Молчу и я в ответ.
И в городе реки, где всё – овраги,
река безмолвствует.
Её неслышно где-то.
Змеится тело, там, внизу, Левиафаном,
там, за утёсом. Я ещё не вижу,
но знаю, я всегда об этом знаю,
Лет тридцать, как увидел в первый раз...
Ловили рыб тогда, больших, с утёса,
блескучих белых рыб,
А мы на них смотрели...
Потом река всегда была со мной,
в любом проулке, сквере,
на проспекте – над-под-разумевалась...
И песок несла всегда.
Песчаные валы воды –
какое странное смещение
времен – одно песком осядет в память,
другое выльется в иные берега...

2.

...И как в водовороте, возникают
из прошлого живые голоса.
Вот на импровизированной сцене
читаем мы стихи, пред нами – люди.
Был город у реки, был вечер,
аудитория какого-то из ВУЗов,
и были мы, из города у моря.
Нас приютил какой-то анархист...

Какой-то! Нет, единственный и главный!
Смутьян-интеллигент центральных улиц,
политик-горлопан, известный цвету
богема местной... впрочем, не дурак.

С ним женщина была...

...Но – по порядку.

Змеилась где-то медленно река,
и мы с товарищем свои читали строки.
Нас слушало немного человек –
пять-семь, не больше десяти, уж точно...
Их всех нашли мы в маленькой кофейне,
помпезно мы расшаркались – поэты,
и – понеслось... Мы дальше понеслись -
мерцанье улиц, в «Интуристе»
стойка бара, трамваи,
наконец – вот этот зал.

Там женщина была – её глаза...
среди двух-трёх актёров пантомимы,
рок-музыканта, панка, анархиста,
двух-трёх поэтов, пары поэтесс –
там женщина была – глаза inferны...
Меж ней и анархистом был разлад,
и, как бульварные велят романы,
за день до этого как раз она рыдала...
Была отвергнута – рыдала – эко диво!..
Красива ли была она – не знаю,
упал в глаза, а выплыть, осмотреться,
сравнить – нет сил, как, впрочем,
нет желанья... «Опасная особа» -
это мне на ухо анархист, из сострадания...
а я уже как будто увлечён...

3.

Кто скажет нам,
за что мы любим тайны?

ПЕРЕВОДЫ

Т.С.Элиот

ПЕПЕЛЬНАЯ СРЕДА

Перевод с английского

I. Пролог

...Так как я не надеюсь вернуться назад,
так как я не надеюсь,
так как я не надеюсь вернуться,
с дикой жаждой таланта
и других человеческих черт бытия,
    ввиду мимолетности сей,
    в вись стремлюсь не стремиться я.
    (Расправляет ли дряхлый орел свои крылья?)
И к чему мне роптать,
понимая, что Сила не вернется опять?

Так как я не надеюсь снова познать
несомненный сомнительной славы час.
Так как я не жду,
так как знаю, что не смогу узнать
    одну настоящую быстротечную
    Силу, Дух, Власть, так как мне не испить ее,
к родникам среди цветущих деревьев не вернуться опять.

Так как знаю, что время есть время всегда,
и место всегда только место,
и что сущее — сущее только на время,
и только в одном из мест.

    В свете этого, я довольствуюсь
    тем, что есть.
Так что я не надену счастливый лик,

так что я отвергаю истошный крик,
так как я не надеюсь вернуться назад.
И поэтому весел я,
весел тем, что могу для себя создать
причину веселья.

Боже, смилуйся надо мной!
Я молю, чтобы я позабыл
все материи, бывшие почвою
долгих и спорных раздумий,
всю излишнюю мудрость,
так как я не надеюсь вернуться назад.
Говорятся эти слова в ответ
тому, что свершилось,
тому, что свершилось — возврата нет.
Не суди строго нас, Судия,
прояви свою милость.

Так как эти крылья уже коротки для полета,
так как только флюгер хлещет, взбивает небо.
Ну а небо нынче весьма маленькое и сухое,
меньше и суше, чем желание.

Научи нас любви и равнодушию.

Научи нас смирению.

Молись за нас, грешных,
ныне, и в час нашей смерти.

Молись за нас ныне,
и в час нашей смерти.

II. Леди тишины

Леди, три белых пантеры
    под можжевеловым деревом
сидят в прохладе дневной.
Питаются до насыщения
    моим сердцем, ногами, печенью,
тем, что было когда-то мной.
Обглоданный череп впадинами зияет.

    И Бог вопрошает:
Будут ли жить эти кости?
Будут ли жить эти кости?

И то, что когда-то
    эти кости вместе держало,
(кости, успевшие высохнуть...) в ответ прошептало:
Поскольку леди добра,
поскольку любвеобильна,
поскольку в своих размышлениях
к Деве обращена,
мы озарены сиянием. И я, кто сокрыт здесь,
забвению
    предаю все земные дела свои,
и любовь потомков, покинутых мной,
и тыквы пустые плоды.

Всё будет возвращено.
Завязаны в узелок
    кишки вокруг моих глаз,
а с ними те потроха,
что пантеры не съели в назначенный час.

И отходит назад, удаляется
Леди в белом плаще.
и уходит вдаль, созерцая,
Леди в белом плаще.

Позволь белизне костей беспамятство искупить.
Нет жизни в них боле.
По мере того, как я забыл,
  как и хотел забыть,
  как и хотел забывать,
и сопричастным стать
  средоточию воли.

И Бог сказал
о пророчестве ветру,
ветру лишь, только лишь,
прислушайся, ветер, к шепоту,
слышишь — кости поют,
шуршат под лапкой кузнечика
песенку-поговорочку:

Леди молчания,
спокойная и утомленная,
рви самое неразрывное,
восходи к источнику памяти,
восходи к истокам забвения,
истощенная и жизнь дающая,
терзающая без устали,
одинокая Роза
ныне в Саду
где любая любовь кончается.
Где положен предел мучениям
любви неразделенной, несбыточной,
и где множатся муки разлуки
тех сердец, что друг друга нашли.

Конец пути бесконечного
к чему-то,
что не кончается.
Завершение неоконченного.
Речь без слова
и слово без говора.
Благодарение Матери Сада,
где любая любовь кончается.

Под можжевелевым деревом,
сияя и рассыпаясь,
кости пели: Мы рады рассыпаться,
маленькую любезность
друг другу предоставляя,
под деревом в прохладе дня,
с благодетелем-песком, что нас засыпает,
себя и друг друга забывая,
с тишиной пустыни соединяясь.
Эту страну придется вам
делить на участки по жребию.
Затронет это деление
не только целостность вещества.

Вот эта земля. Нынче мы
обладатели наследства.

III. Лестница

На изломе первом поворота второго пролета
обернувшись, внизу я увидел
повторяющий форму излома
изгиб на перилах.
Там, внизу, испарения тухлого воздуха
в битве тратили силы
вместе с духом ступеней,
что скрывался под лживой личиной,
личиной надежды,
личиной отчаянья.

На втором повороте второго лестничного пролета
я простился с изломом ступеней,
оставшихся ниже.
Не прибавилось здесь масок зла,
но лестница была темна,
занозиста и влажна,
напоминала она
полный протезов слюнявый рот старика
или зубастую пасть
старой акулы.

На первом повороте третьего лестничного пролета
вдруг надулось окно открытое
подобно плоду смоковницы,
а там и расцвел боярышник,
и корзиной широкой — пастбище,
одетое в синее и зелёное,
время мая околдовало,
вместе с древней флейтой,
обдувая душистые волосы,

каштановые волосы над мотыльком взметая,
сирень и каштановые волосы.

Сумасшествие, музыка флейты,
замирание мысли и мысли бег
над третьим пролетом лестницы.

Маятника замирание ...
Сила, что по ту сторону и надежд, и отчаяния,
взбирается третьим пролётом.

Господин, не достоин я,
Господин, не достоин я,
но скажи
слово
единственное.

IV. Гуляющий между

Кто там гуляет между фиалками?
Кто там гуляет меж разных рядов
Разнообразной зелени,
Ходит в белом и синем, в Марии цветах,
Говорит об обыденных мелких вещах,
В неведении и познании вековечной печали,
Кто проходит среди прочих гуляющих,
Кто в этот миг создаёт клочкотание фонтанов и новые вёсны
Несёт в этот мир?

И наливает прохладой камень бесстрастный скалы
И прессует песок в монолит, в синеве забавляясь,
Так как Марии цвет - синева,
Sovegna vos.

Здесь годы просто проходят между,
Прочь направляясь от скрипок и флейт, чтобы вернуть
Того одного, кто проходит по времени между
Сном и пробуждением,
Всё исчерпав.

Оплетена белым светом, в покровы свои укутана.
Новые годы идут, всё повторяя,
Сквозь светлое облако мчась, годы, всё повторяют
Вместе с новым стихом в древних рифмах. Спасает
Время. Спасает.

Неизреченное видение в этой высокой мечте,
В то время как драгоценные зёрна брошены
Дабы позолотить катафалк.
Сестра молчаливая всё укутает в белое и синеву
там, между тисами, позади сада Божьего,
Чья флейта затаила дыхание, её голова преклонена,
и дан знак,
но не сказано слово

Но источник берёт начало вверху,
и птицы знак указывает вниз,
спасает время, спасает мечта
Знак слова неслыханного, несказанного

до тех пор, пока трубный зов не встряхнёт
с этих тисов тысячи шепотков.

И после этого - род наш уйдёт

V. Молчащее слово

Если погибшее слово потеряно,
Если утрачено слово растраченное,
Если оно не услышано, и не сказано,
Слово не сказано, не услышано;
Слово не высказано безмолвием,
Слово не услышано,
Слово в пустотах отсутствия слова,
Слово в пределах мира и ради этого мира.
И свет его изгнан во тьму.
И напротив Слова говорливого мира
Безмолвие кружит вокруг
Центра молчащего Слова.

О мой человек, что я сделать могу для тебя?

Где будет создано Слово,
Где зазвучит воля Слова?

Не здесь, здесь достаточной нет тишины.
Нет в море и на островах,
И нет на материках, в пустыне или
Дождливой земле.
Для тех, кто гуляет там, в темноте
Во время дня, и в ночные часы
В назначенном времени и назначенном месте.
Нет ни места для милости
Тем, кто сторонится Лица,
Ни времени для радости
Тем, кто гуляя меж звуков
Его отрицает Голос.

Воля сестры, укрытой покрывами,
Молит за тех,
Кто гуляет там, в темноте,
Кто выбрал Тебя
И противясь Тебе,
Мечется при звуках рожка
Между - от сезона к сезону,
От времени ко времени,
От часа к часу,
От слова к слову,
От силы к силе
Кто это там ждёт в темноте?

Воля сестры, укрытой покрывами,
Молит за детей у ворот,
Чья воля струится прочь и не молится,
Молит за тех, кто отдал предпочтение
Сопротивлению.

О мой человек, что я сделать могу для тебя?

Воля сестры, укрытой покрывами,
Меж стройных деревьев тиса
Молит за тех, кто её оскорбляет, и ужасает,
И не приходит в отчаяние,
И утверждает пред миром, и отрицает
Там, меж горами в последней пустыне
Там, меж горами последними синими
В пустыне сада, в саду пустыни сухой,
Наполненной злобой рта
Иссохшего зёрнышка яблони.

О мой человек.

VI. Эпилог (1)

И пусть я не надеюсь вернуться назад
И пусть я не надеюсь
И пусть я не надеюсь вернуться
В колебаниях меж выгодой или потерями
В кратком том переходе где пересекутся мечты
Пересечение грёз сумерки между смертями рождениями
Благослови меня Отче, однако же я
Не желаю желания
Непреложности сей
Из окна широко распахнутого
Белые паруса в неподвижном полёте парят
В сторону гранитного берега
В сторону моря, в сторону полёта
Ещё не сломленных крыльев.

И потерянная душа замирает и радуется
В погибшей сирени и погибшем море голосов
И слабый дух, скорый на противление
Ради поклонения золотой розге
И погибшему морю запахов
Скорый на выздоровление
Криком стонет от трусости и кружит, парит
И слепое око пустые формы ткёт
Во вратах из слоновой кости
И чутьё воссоздаёт
Солёный вкус песчаной земли

Это время туго натянуто между смертью и рождением
Место уединения где мечты пересекаются
Меж голубыми горами
Поскольку когда голоса всколыхнутся с ветвей и
Польются прочь от дерева-тиса и
Позволят всем тисам в округе всколыхнуться и отвечать

Благословенная сестра, святая мать
Допусти нас к неподдельным себе

Вместе с ложью
Научи нас любви и безразличию
Научи нас смирению
Даже среди этих гор
Нашего спокойствия в воле Его
И даже среди этих гор
Сестра, мать
Дух моря, и дух реки,
Допусти мне не быть отлучённым

И позволь мне с плачем прийти к Тебе

---

1. Названия глав даны переводчиком.

Владислав Бурик (г. Киев)

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

перевод с украинского

ВАН ГОГ

Память – золотой подсолнух.
Я себе отрежу ухо.
Я без уха стану краше.
Памятник любви – поэмы
Сотворять подобно Богу
У меня не хватит духу.
Я себе рисую краше
Непотерянный без уха
Памятник печальной доли.
Сквозь зелёные покровы
Жёлтый цвет пробьёт дорога,
ЗолотА щетина Бога.
Ухо – первый камень веры.
А подсолнух – плачь Ван Гога.

ЧАЙ

Чашка, что расколота на две
Осенью наполнена до края.
И струится месяц-чужестранец,
И небес эмаль над головою.
Осенью горька заварка чая,
Лишь волос твоих я злато знаю...

Эммануил Казакевич

КОРЕЙСКАЯ НОВЕЛЛА

*перевод с идиши Е. Сарашевской, стихотворное переложение
с подстрочника В. Бурика*

И на циновках из соломы грубой
Я замер, широко открыв глаза.
Ты рядом, и твои не дрогнут губы,
Лишь говорит гитара за тебя.
За окнами печаль струится – солнце
В багрянце умирает до утра.

Зачем в вечерней просини так тяжело
На сердце неприкаянном моём?
Как Будда пред тобой, Цветок Кореи,
Грущу – на идиш нам не петь вдвоём...

Вот ты запела – Азии истома
Благословила свечи Иудеи,
И древний дух камней земного дома
Пел письменами, коих нет мудрей:
«Алхимия, чхенью, мистерия и веды...»
Из древних сказок – новая новелла...

О, локоны волос твоих – корона
Из перьев самых легкокрылых птиц!
О, плач твоей гитары говорливой,
Из тысячи он соткан голосов...
В дрожании губ – неведомая нежность,
Что сердцу лебединому сродни.
В твоих глазах – сияние алмазов,

До сказок Азии – лишь руку протяни...
А за окном Амура берег хмурый
Не думая о нас, считает наши дни.

И утром на циновки из соломы
Прольётся солнца ясный нежный свет.
Как нежная корейская новелла,
Что так спокойно льётся с твоих губ.
Нас утром разлучат дела земные –
Пойдёшь ты в школу, проводить урок,
Как хлеборобы все передовые
Я повезу зерно на сельский ток...
Так протекает в круговерти буден
Корейская новелла – ты и я.

Но это – завтра. А пока – лишь вечер
За окнами луч света притушил,
Что падал на корейские циновки,
Водой амурской солнце напоил...

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ЦИКЛЫ СТИХОВ.....3

«Пусть оседают слова...»..... 3

СТАРОЕ ПИСЬМО.....4

МОЛИТВА ПО ГАРСИА ЛОРКЕ.....12

МИГ РОЖДЕНИЯ.....15

НАСТОЙЧИВЫЙ ШЁПОТ ВРЕМЕНИ.....18

ПЕСНЯ НОЧНОГО НЕБА.....22

ИЗ СБОРНИКА «ЦИТАДЕЛЬ» 26

ПЛАСТИКОВЫЙ ВЕК.....30

РЕКАРУСЕЛЬ.....36

СЕТЬ ПАМЯТИ.....42

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ.....50

СТИХИ С МНОГОТОЧИЯМИ.....55

МИНИАТЮРЫ.....63

ПРИРОДА ВОСТОКА.....69

БЕЛАЯ ДВЕРЬ.....70

ВОСПОМИНАНИЯ О СНЕ.....82

НА БЕРЕГАХ АМУРА.....83

ПЕРЕВОДЫ.....85

Т.С.Элиот ПЕПЕЛЬНАЯ СРЕДА

Перевод с английского.....85

Владислав Бурик ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с украинского.....98

Эммануил Казакевич КОРЕЙСКАЯ НОВЕЛЛА

Перевод с идиш.....99

Книга представлена Творческим Союзом

«Серебряная нить»

serebryanaya.nitb@mail.ru

<http://kovcheg.ucoz.ru/forum/64>

На базе Содружества

«Галактический Ковчег»

<http://kovcheg.ucoz.ru/>

В рамках проекта «Голоса Времени»

Координаторы проекта – Людмила Жолнерович и Валерий Крайцев

*Издание напечатано по технологии Print-on-Demand
(печать по требованию)
по индивидуальному заказу.*